

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

Выпуск 4 – 2017 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2017.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/05SFK417.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Федосова Е.В. Осетино-ингушские отношения: историко-социологический анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2017 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/05SFK417.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 316.4

Федосова Елена Владимировна

ФБУН ФНЦ «Владикавказский научный центр РАН»

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (филиал), Россия, Владикавказ¹

Старший научный сотрудник

Кандидат социологических наук

E-mail: fedosova_e@inbox.ru

Осетино-ингушские отношения: историко-социологический анализ

Аннотация. В статье дается историко-социологический анализ развития осетино-ингушских отношений в XX веке на рубеже XX-XXI вв. В современном мире конфликтные межэтнические отношения зачастую наполнены символическим капиталом, противоборствующих сторон. В данной статье рассматривается роль и значение символического пространства в накоплении негативного социального капитала, который использовался в осетино-ингушском конфликте на протяжении всего XX века. В статье дана историческая ретроспектива формирования социального капитала в осетино-ингушских отношениях и его роль в развитии вооруженной фазы осетино-ингушского конфликта.

Ключевые слова: символическое пространство; социальный капитал; осетино-ингушские отношения; политическое управление; межэтнические конфликты; этапы политического управления

В октябре – ноябре 2017 года (*31 октября – 4 ноября*) исполнилось двадцать пять лет со момента возникновения и развертывания вооруженной фазы осетино-ингушского противостояния. В результате вооруженных действий на территории Пригородного района РСО-Алания 583 чел. считаются погибшими, 261 пропавшими без вести [16, с. 21-53].

В данной статье предпринята попытка анализа осетино-ингушских отношений с позиций теории социального капитала. Применительно к социологическому анализу конфликтных межэтнических отношений, на наш взгляд, подход, в основу которого положен анализ социального капитала этнических групп (разработчики – П. Бурдьё, Р. Патнэм, Дж. Коулман, Ф. Фукуяма и др.) является достаточно перспективным [4, с. 60-74; 9, с. 121-139; 18, с. 129-148; 24].

Первая теоретическая концепция социального капитала была предложена в 1980 г. П. Бурдьё в его работе «Формы капитала». Социальный капитал П. Бурдьё – это «реальные и

¹ 362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

потенциальные ресурсы», которые тесно связаны с членством в группе [4, с. 60-74] и которые при благоприятных условиях могут быть экстраполированы в капитал экономический. Социальный капитал П. Бурдье – это исключительно и только групповой ресурс, т. е. социальный капитал, который связан с определенной выгодой, но когда «выгода аккумулируется благодаря членству в группе» [4, с. 60-74], то она становится базисом солидарности. С этим тезисом П. Бурдье, при анализе этнических конфликтов, невозможно не согласиться, так как любой этнический конфликт – это, конечно, стремление противоборствующих этнических групп добиться определенных выгод (экономической, политической и т. д.) в свою пользу.

Более широкую трактовку социального капитала предлагает Ф. Фукуяма, который в своей концепции связывает понятие социального капитала с национальной культурой. Социальный капитал тесно коррелирует с социальными нормами и ценностями, доминирующими в том или ином сообществе. Идеальное состояние социального капитала – это сочетание «норм, которые родились в результате рационального выбора», а с другой стороны унаследованы обществом от предков и по своей сути являются иррациональными [18, с. 129-148].

Естественно, что в межэтнических конфликтах иррациональные социальные нормы, чаще всего, будут выступать в качестве доминант социального капитала, иррациональные нормы несут в себе, как функциональный характер, объединяя представителей одного этнического сообщества, так и дисфункциональный препятствуя взаимодействию с иными этническими сообществами.

Формирование конфликтогенного потенциала осетино-ингушских отношений происходило на всем протяжении XX века, и во многом было детерминировано определенными политическими решениями советской власти, прежде всего, многочисленными административно-территориальными преобразованиями Северного Кавказа.

После установления Советской власти на Северном Кавказе, Постановлением ВЦИК РСФСР (январь 1921 года) была образована Горская Автономная Советская Социалистическая Республика, в состав которой вошло 6 национальных округов (Осетинский, Ингушский, Кабардинский, Балкарский, Карачаевский, Чеченский и Сунженский округ с казачьим населением). Города – Владикавказ и Грозный – являлись самостоятельными административными единицами и подчинялись Правительству ГАССР. Это было первое политическое решение Советской власти, направленное на реализацию ленинского тезиса «о праве наций на самоопределение». По замыслу идеологов ГАССР (И. Сталина, С. Орджоникидзе, С. Кирова) национальная автономия для горцев должна была представлять собой мини-федерацию для горских народов.

Создание Горской Автономной Советской Социалистической Республики фактически было *первым этапом политического управления народов Кавказа Советской властью*, в рамках которого новая власть пыталась создать общекавказскую идентичность и фактически первым этапом, который дал толчок для накопления социального капитала кавказскими народами.

Второй этап советского политического управления связан с упразднением ГАССР (июль 1924 г.) и образованием Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, а также Сунженского округа. Особая смешанная комиссия ВЦИК РСФСР проводит национально-территориальное деление вновь образованных субъектов РСФСР. Пригородный район входит в состав Ингушской автономной области, а Владикавказ становится единой столицей областей и округа, в которой располагаются органы власти и управления этих образований. В 1933 году Владикавказ включается в состав Северо-Осетинской автономной области, а в 1934 г.

происходит объединение Чеченской и Ингушской автономных областей с административным центром в г. Грозный, эти два события оказали существенное влияние на всю динамику осетино-ингушских отношений.

Создание национально-территориальных образований, и закрепление за тем или этносом определенных территорий для союзных органов управления во многом носило декларативный характер и формально позволяло утверждать о реализации ленинского принципа «о праве наций на самоопределение», в автономиях же национально-территориальное деление народов запустило совершенно иные процессы, связанные с надеждами формирования протогосударств-наций.

Фактически уже на этом этапе политического управления субъектами межэтнических столкновений становятся государственно оформленные этнические группы – автономии, а межэтнические отношения начинают наполняться символизмом и сакральностью.

Третий период советского политического управления вместил в себя депортацию некоторых кавказских народов (в т. ч. ингушей) в 1944 году, а также их возвращение в 1957 году в места постоянного проживания.

За один день было депортировано 459 486 человек [2, с. 47], включая проживающих во Владикавказе и Дагестане. Количество депортированных ингушей составило примерно – 81 000 чел. – 85 000 чел.,² в том числе из Владикавказа было выслано – 2 300 чел., с территории Пригородного района ЧИАССР – 28 132 человек [15].

После депортации чеченцев и ингушей начались массовые миграции населения из других районов страны, на опустевшие территории бывшей ЧИ АССР. Анализу масштабных массовых насильственных переселений в российском и зарубежном научном дискурсе посвящено немало исследований [1; 3; 14; 19; 21], но, как правило, анализу подвергается только депортация и судьба депортированных народ, но при этом игнорируется тот факт, что на места проживания депортированных народов заселялись представители других этносов. И эти переселения так же носили насильственный характер.

9 марта 1944 года было принято Постановление СНК СССР № 255-74 СС «О заседании и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР», согласно этому постановлению необходимо было переселить на территорию бывшей ЧИ АССР: 8 000 хозяйств – из Ставропольского края; 5 000 хозяйств из Дагестанской АССР и 3 000 хозяйств из Северо-Осетинской АССР [5].

По разным данным на территории, отошедшие к СО АССР «добровольно-принудительно» было переселено из внутренних районов Грузии и из районов СО АССР 25 000 – 35 000 человек, в основном – это были осетины [6, с. 127], каждому колхозу спускалась разрядка на определенное количество семей, которые должны были быть переселены во вновь присоединенные районы.

Переселение сопровождалось определенными трудностями, так как не находилось необходимого количества желающих, ко многим применялись угрозы репрессий по партийной или административной линии.

В годы десталинизации обе стороны конфликта накапливают собственный социальный капитал.

Позднесоветская система политической управления обществом опиралась на патерналистское (фактически субсидированное) отношение к национально-территориальным

² В разных источниках количество депортированных ингушей приводится разное, но в большинстве указываются цифры от 80 000 чел. до 85 000 чел.

образованиям СССР. Республики и автономные образования обеспечивались гораздо лучше материальными ресурсами, чем «русские» субъекты РСФСР в надежде на то, что более «сытые» национальные меньшинства СССР согласятся имитировать межэтнический и внутривластный консенсус.

Однако конечная цель, реализуемых мер политического управления в регионе достигнута не была, так как к этому времени сформировался уже целый ряд конфликтогенных факторов осетино-ингушского взаимодействия, которые свели на нет все усилия политического руководства страны.

Неудача методов политического управления в нейтрализации трайбалистских устремлений ингушского населения СССР, во-первых, были обусловлены тем, в системе политического управления периода «застоя» основной акцент в межнациональных отношениях был сделан на тенденцию инерционного развития. В результате удалось на годы отложить решение конфликтных осетино-ингушских отношений, однако это не избавило последующее политическое руководство от долгосрочных последствий бездеятельности брежневской номенклатуры в решении межэтнических противоречий.

Во-вторых, за годы, прошедшие со времени сталинской депортации, и прежде всего, в период хрущевской «оттепели» в ингушской среде сформировался солидный слой национальной интеллигенции. Ингушская национальная интеллигенция сыграла доминирующую роль в поддержании ингушской национальной культуры, а также, именно ингушская интеллигенция стояла у истоков формирования социального капитала ингушей на принципах внутри этнического соединения. С одной стороны, в тяжелый период сталинского террора, обращение к традиционным культурным практикам позволило сохраниться ингушам, как самостоятельному этносу, с другой, радикализм национальной интеллигенции в редуцировании национальных культурных практик не позволял развиваться другому виду социального капитала – преодолению.

Помимо этого, ингушская интеллигенция, как, впрочем, и любая национальная интеллигенция, отличалась ярко выраженным националистическим радикализмом. Особенностью национальной интеллигенции советского периода – был ее глубокий провинциализм, когда карьерные устремления ограничены границами «своей» республики, «своего» округа, «своей» автономной области. Поэтому внутри национально – территориальных образований всегда шла борьба за места, за статус и соответствующие привилегии, в этой борьбе практически всегда выигрывали представители «титупной» или доминирующей этнической группы. Естественно, что ингуши, не имея собственного национально-территориального образования в СССР, считали, что и со АССР, что и в ЧИАССР они проигрывают в борьбе за номенклатурные места. Поэтому для достижения чисто рациональных целей (контроль над территорией, обладание определенными административными благами и т. д.) все больший акцент в осетино-ингушских отношениях начинает приобретать символическое пространство.

Несмотря на все усилия союзного центра по стабилизации осетино-ингушских отношений межэтническая обстановка в Пригородном районе СО АССР оставалась достаточно напряженной.

Осенью 1981 года проблема осетино-ингушских отношений, а также проблема Пригородного района СО АССР вновь актуализировались. Поводом для массовых выступлений осетин в Орджоникидзе (Владикавказ) послужила серия убийств осетин ингушами, детонатором же массовых выступлений послужило убийство осетинского таксиста в Пригородном районе. В массовых выступлениях осетин против ингушей, по некоторым

данным, участвовало 4 500 человек; 800 человек были задержаны, несколько десятков были осуждены [20, с. 298].

Митинг проходил под антиингушскими лозунгами – «Осетия без ингушей», т. е. фактически впервые кризисные отношения между осетинами и ингушами публично были обозначены, как межэтнический конфликт. Выступления длились три дня (24-26 октября 1981 г.), для подавления демонстрантов были использованы войсковые части и курсанты Высшего командного училища МВД, дислоцированного в Орджоникидзе.

К началу «перестройки» обе стороны конфликта наполнили содержание конфликта собственной символической основой. Общим и в осетинских политических действиях, и в ингушских была установка на концепцию символической политики [26, с. 275]. Центральное место в этой концепции занимает дихотомия «миф-символ», где миф – это убеждение, которое придает событиям и действиям людей значимый для них смысл, а символ – это эмоционально заряженная ссылка на миф [22, с. 14].

Политические действия противоборствующих сторон стали интерпретироваться в этнических символах. Наиболее наглядно это было продемонстрировано в период «перестройки», в период вооруженной фазы конфликта, а также в начальный период поствоенных столкновений.

В 1989 году на II съезде ингушского народа была принята резолюция, в которой содержались требования территориальной реабилитации ингушей. Год спустя в 1990 г. под давлением ингушских радикалов в «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» был внесен пункт о включении Пригородного района и правобережья Владикавказа в состав Чечено-Ингушетии.

В это время на общесоюзном уровне разворачивается политическая дискуссия о необходимости реабилитации репрессированных народов, результаты которой были воплощены определенных нормативно-законодательных документах. В ноябре 1989 года Верховный Совет СССР принимает декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав». Спустя год в 1990 году Съезд народных депутатов РСФСР принимает Постановление «О жертвах политических репрессий».

В апреле 1991 года Верховным Советом РСФСР был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов», некоторые статьи (3, 6, 7), которого предусматривали территориальную реабилитацию народов, при этом в законе отсутствовали конкретные правовые механизмы, посредством которых можно было бы реализовать территориальную реабилитацию. Принятия данного закона способствовало радикализации осетино–ингушского конфликта, так как у ингушской стороны он формировал надежду на скорейшее решение территориальной проблемы, а у осетин – опасения на решение проблемы без учета мнения осетинской стороны.

По меткому выражению С. Маркедонова – этот этап осетино-ингушских отношений можно охарактеризовать, как «этап концентрации сил для окончательной победы» [11, с. 73]. В этот период была нарушена структура политического пространства РФ. В любом политическом пространстве, как известно, присутствует иерархия структур политического управления и политического контроля между центром и периферией [25, с. 120], и, естественно, когда эта иерархия нарушается, то увеличивается межэтнический конфликтогенный потенциал, когда каждая из сторон начинает стремиться к автономизации и суверенизации.

Возрастание конфликтогенного потенциала между осетинами и ингушами на рубеже 1980-1990 гг. XX века было зафиксировано многочисленными эмпирическими исследованиями, как социологическими, так и психологическими [8, с. 75-76; 17, с. 22].

В этот же период исследователями было зафиксировано также снижение, как у осетин, так и у ингушей, адекватности восприятия русских, которая выразилась в дистанцированности от них [17, с. 23-24]. Полученные данные свидетельствовали о том, что к началу вооруженной фазы осетино-ингушского конфликта у конфликтующих сторон была снижена проницаемость этнических границ уже на психологическом уровне.

После принятия Закона «О репрессированных народах» ингушские радикалы начали формировать отряды самообороны на территории Пригородного района СО АССР (с. Дачное, Куртат, Майское), а также на территории ЧИ АССР. Для ингушских национальных лидеров данного периода в качестве первоочередной задачи считалось возвращение территорий (Пригородный район и правобережье Орджоникидзе), на которых они хотели строить «свое» государство на «своей» территории со «своим» народом, во главе с единокровным руководством.

Децентрализация федеральной системы политического управления (борьба за власть между Президентом и Верховным Советом РСФСР) привела к инверсии в политическом управлении осетино-ингушским конфликтом.

Принятие Федеративного договора РФ (март 1992 года), в котором было введено положение фиксирующее принцип неизменности территориальных границ республик, а также Закона «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» (июнь 1992 г.), без определения границ вновь образованного национально-территориального субъекта РФ, только подтолкнула стороны к радикализации позиций.

Члены Народного Совета Ингушетии отнеслись к принятию Закона «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации», как к возможности сформировать ингушские государственного управления и начали переговоры с представителями федеральных органов исполнительной власти о назначении на пост главы Временной Администрации Ингушетии Б. Богатырева.

В октябре 1992 года главы исполнительных Советов Ингушетии подписали обращение к Президенту РФ Б. Н. Ельцину и Председателю Верховного Совета Р. Хасбулатову, в котором в ультимативной форме потребовали немедленно определить границу с Северной Осетией, с учетом *«аннексированных сталинским режим территорий»*. В случае невыполнения данного требования, они оставляли право за ингушским народом решать свои проблемы без участия России [10, с. 94].

Руководство Северной Осетии, обеспокоенное требованиями ингушских общественных организаций о территориальной реабилитации ингушского народа, обратилось к Верховному Совету РФ с просьбой ввести чрезвычайное положение в районах, граничащих с Ингушетией. В июне 1992 года Верховный Совет РФ ввел на территории Пригородного района Северной Осетии чрезвычайное положение, а также дополнительно были введены войска.

Вооруженные столкновения между осетинами и ингушами начались 30 октября 1992 года и продолжались до 4 ноября 1992 года включительно. Первого ноября в зону конфликта были введены воинские подразделения РФ. Второго ноября 1992 года Указом Президента РФ был введен режим Чрезвычайного положения на территории Северной Осетии и Ингушетии, а также создана Временная администрация, руководитель которой получил ранг заместителя Председателя Правительства РФ.

Причины вооруженного противостояния осенью 1992 года противоборствующими сторонами истолковывались с диаметрально противоположных позиций.

Осетинская официальная оценка вооруженных событий была закреплена в материалах XVIII сессии Верховного Совета республики (ноябрь 1992 г.), а также в резолюции II съезда

осетинского народа (май 1993 г.). В официальных материалах осетинской стороны вооруженная фаза осетино-ингушского конфликта рассматривалась, как «вероломная агрессия ингушских бандформирований против суверенной Северо-Осетинской ССР» [13]. На основе этих материалов осетинским официальным руководством в отношении ингушей, проживавших на территории Северной Осетии, был принят сегрегационный тезис «о невозможности совместного проживания».

Ингушская оценка событий осени 1992 года была закреплена в материалах Чрезвычайного съезда ингушского народа (февраль 1993 г.) и в Постановлении Народного Собрания Ингушетии (сентябрь 1993 г.), в которых осетино-ингушский конфликт представлен как: «насильственная депортация ингушского населения с территории Северной Осетии, этническая чистка Пригородного района и г. Владикавказа Северной Осетии».³

Естественно, что столь противоположная оценка сторонами событий осени 1992 года не могла способствовать выработке компромиссных решений сторонами, поэтому основным актором политического управления осетино-ингушского конфликта, после купирования вооруженной фазы конфликта, становится государство.

Основным инструментом политического управления осетино-ингушским конфликтом выступили, созданные федеральным центром – Временная администрация, действовавшая на первом этапе политического управления, на территории Северной Осетии и Ингушетии, впоследствии преобразованная во Временный госкомитет РФ, а затем в Специальное представительство Президента РФ.

Уже в начальный период поствооруженной фазы конфликта федеральным центром были сформулированы основные контуры политического управления осетино-ингушским конфликтом. В период с 1992-2000 гг. удалось провести структурные изменения, которое предполагало отход от асимметричности конфликта – это, прежде всего, создание легитимных органов власти в Республике Ингушетии, что повлекло за собой смену лидеров внутри ингушского этнического сообщества и придало действиям вновь избранной политической власти конституционно-правовой статус. Помимо этого, структурные изменения, инициированные системой политического управления конфликтом, запустили механизм конструктивного компромисса между сторонами конфликта.

В рамках политического управления осетино-ингушского конфликта при посредничестве федеральных институций были налажены прямые двухсторонние контакты на уровне республиканских властей. Параллельно шло развитие контактов на уровне неправительственных организаций, проводились массовые встречи осетинских и ингушских журналистов, писателей, ученых, священнослужителей, несмотря на то, что организация подобных встреч являлась результатом усилий федеральных структур власти, тем не менее, впоследствии эти встречи между интеллектуалами двух республик способствовали изменениям внутри этнических сообществ в восприятии конфликта.

Инициирование государством контактов на уровне гражданского общества между конфликтующими сторонами было направлено на снижение уровня нетерпимости осетин и ингушей по отношению друг к другу.

Российским политическим институтам, которые участвуют в качестве посредников в урегулировании осетино-ингушского конфликта, на сегодняшний день удалось добиться определенных успехов в урегулировании осетино-ингушского конфликта.

³ Осетино-ингушский конфликт: хроника событий // <http://www.warandpeace.ru>.

Прежде всего, на начальных этапах политического управления постконфликтной ситуацией удалось провести базовые изменения в структуре конфликта – государство выступило одним из основных акторов процесса урегулирования последствий вооруженной фазы осетино-ингушского противостояния и взяло на себя роль медиатора в процессе урегулирования.

Была проведена трансформация акторов конфликта, когда действия и решения федеральных властей инициировали мирные переговоры конфликтующих сторон, а впоследствии было изменено и общее отношение сторон к конфликту. Удалось наладить взаимодействие и достигнуть перелома в убеждениях и в отношениях между лидерами общественных и религиозных организаций.

Поиск новых форм политического управления в межэтнических конфликтах всегда является сложной проблемой, которая требует фундаментальных изменений в понимании, прежде всего, вопросов безопасности между и внутри этнических сообществ. Нерешенность основного противоречия, административно-территориального деления, осетино-ингушского конфликта может привести к ослаблению государственного управления, а в итоге и к кризису российского федерализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. – М., 2005.
2. Бугай Н. Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши – М: Капъ, 1994.
3. Бугай Н. Ф., Мамаев М. И. Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США. – М.: МСНК-пресс, 2009.; Walter Comins-Richmond The deportation of the Karachays (англ.) // Journal of Genocide Research. – 2002. – Т. 4. – № 3. – С. 431-439.
4. Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60-74.
5. Депортации народов СССР (1930-1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской Революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. Материалы к сер.: Народы и культуры. Вып. XII / Сост. О. Л. Милова; Предисл. Т. Ф. Павловой. М., 1992. С. 41-45.
6. Кобахидзе Е., Павловец Г. Осетия в системе межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе // Социальные процессы и межнациональные отношения в РСО-Алания. Владикавказ. 2002. С. 75-76.
7. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. С. 121-139.
8. Литвинова Т. Н. Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2011. С. 94.
9. Маркедонов С. Турбулентная Евразия – М: Academia, 2010. С. 70-77.
10. Полян П. М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928-1953. – М.: МФД, Материк, 2005.

11. Северный Кавказ: сложности интеграции (I), этничность и конфликт – Доклад Кризисной группы (Европа) №220 – 19 октября 2012 г. С. 21. – 53 с.
12. Солдатов Г. У. Психология межэтнической напряженности – М.: Смысл, 1998. С. 16-25.
13. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу // под. ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона – М: Московская школа политических исследований, 2002. С. 129-148.
14. Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940 – 1950-е гг.: Монография. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2009. – 236 с.
15. Шнирельман В. А. Быть аланами // Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке – М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 298.
16. Alexander Statiev. The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942 – 44.
17. Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. – New York: Academic Press, 1971. P. 14.
18. Fukuyama, Francis. The Great Disruption. Human Nature and the Reconstitution of Social Order. – New York: Free Press, 1999.
19. Putnam, Robert D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community: New edition – New York: Simon & Schuster, 2001.
20. Rokkan S. State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works – N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 95-122.
21. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Basil Blackwell, 1988.
22. The North Caucasus, the Kalmyk Autonomous Republic, and Crimea // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – Volume 6. – Number 2 (Spring 2005, New Series) PP. 317-318.

Fedosova Elena Vladimirovna

Vladikavkaz scientific center of the Russian academy of sciences
North Ossetian institute of humanitarian and social research. V.I. Abaev (branch), Russia, Vladikavkaz
E-mail: fedosova_e@inbox.ru

The symbolic capital in Ossetio-Ingushian relations

Abstract. In the modern world, conflicting inter-ethnic relations are often filled with symbolic capital, the opposing sides. This article is considered the role and significance of symbolic space in the accumulation of negative social capital, which was used in the Ossetian-Ingush conflict. The article presents a historical retrospective of the formation of social capital in Ossetian-Ingush relations.

Keywords: symbolic space; social capital; Ossetian-Ingush relations; political management

REFERENCES

1. Berdinskih V. A. Specposelency: Politicheskaja sсыlka narodov Sovetskoj Rossii. – M., 2005.
2. Bugaj N. Repressirovannye narody Rossii: Chechency i ingushi – M: Kap', 1994.
3. Bugaj N. F., Mamaev M. I. Turki-meshetincy: Gruzija, Uzbekistan, Rossija, SShA. – M.: MSNK-press, 2009.; Walter Comins-Richmond The deportation of the Karachays (angl.) // Journal of Genocide Research. – 2002. – Т. 4. – № 3. – S. 431-439.
4. Burd'e P. Formy kapitala / per. s angl. M. S. Dobrjakovoj // Jekonomicheskaja sociologija. – 2002. – Т. 3. – № 5. – S. 60-74.
5. Deportacii narodov SSSR (1930-1950-e gody). Ch. 1: Dokumental'nye istochniki Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Oktjabr'skoj Revoljucii, vysshih organov gosudarstvennoj vlasti i organov gosudarstvennogo upravlenija (CGAOR) SSSR. Materialy k ser.: Narody i kul'tury. Vyp. XII / Sost. O. L. Milova; Predisl. T. F. Pavlovoj. M., 1992. S. 41-45.
6. Kobahidze E., Pavlovec G. Osetija v sisteme mezhjetniceskogo vzaimodejstvija na Severnom Kavkaze // Social'nye processy i mezhnacional'nye otnoshenija v RSO-Alanija. Vladikavkaz. 2002. S. 75-76.
7. Koulman Dzh. Kapital social'nyj i chelovecheskij // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2001. – № 3. S. 121-139.
8. Litvinova T. N. Politicheskie instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitija rossijskoj gosudarstvennosti – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2011. S. 94.
9. Markedonov S. Turbulentnaja Evrazija – M: Academia, 2010. S. 70-77.
10. Poljan P. M. Deportacii i jetnichnost' // Stalinskie deportacii. 1928-1953. – M.: MFD, Materik, 2005.
11. Severnyj Kavkaz: slozhnosti integracii (I), jetnichnost' i konflikt – Doklad Krizisnoj grupy (Evropa) N°220 – 19 oktjabrja 2012 g. S. 21. – 53 s.
12. Soldatova G. U. Psihologija mezhjetniceskoj naprjazhennosti – M.: Smysl, 1998. S. 16-25.

13. Fukujama F. Social'nyj kapital // Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu // pod. red. L. Harrisona i S. Hantingtona – M: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2002. S. 129-148.
14. Shnajder V. G. Sovetskaja nacional'naja politika i narody Severnogo Kavkaza v 1940 – 1950-e gg.: Monografija. – Armavir: Redakcionno-izdatel'skij centr AGPU, 2009. – 236 s.
15. Shnirel'man V. A. Byt' alanami // Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. S. 298.
16. Alexander Statiev. The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942 – 44.
17. Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. – New York: Academic Press, 1971. P. 14.
18. Fukuyama, Francis. The Great Disruption. Human Nature and the Reconstitution of Social Order. – New York: Free Press, 1999.
19. Putnam, Robert D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community: New edition – New York: Simon & Schuster, 2001.
20. Rokkan S. State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works – N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 95-122.
21. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford: Basil Blackwell, 1988.
22. The North Caucasus, the Kalmyk Autonomous Republic, and Crimea // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – Volume 6. – Number 2 (Spring 2005, New Series) PP. 317-318.